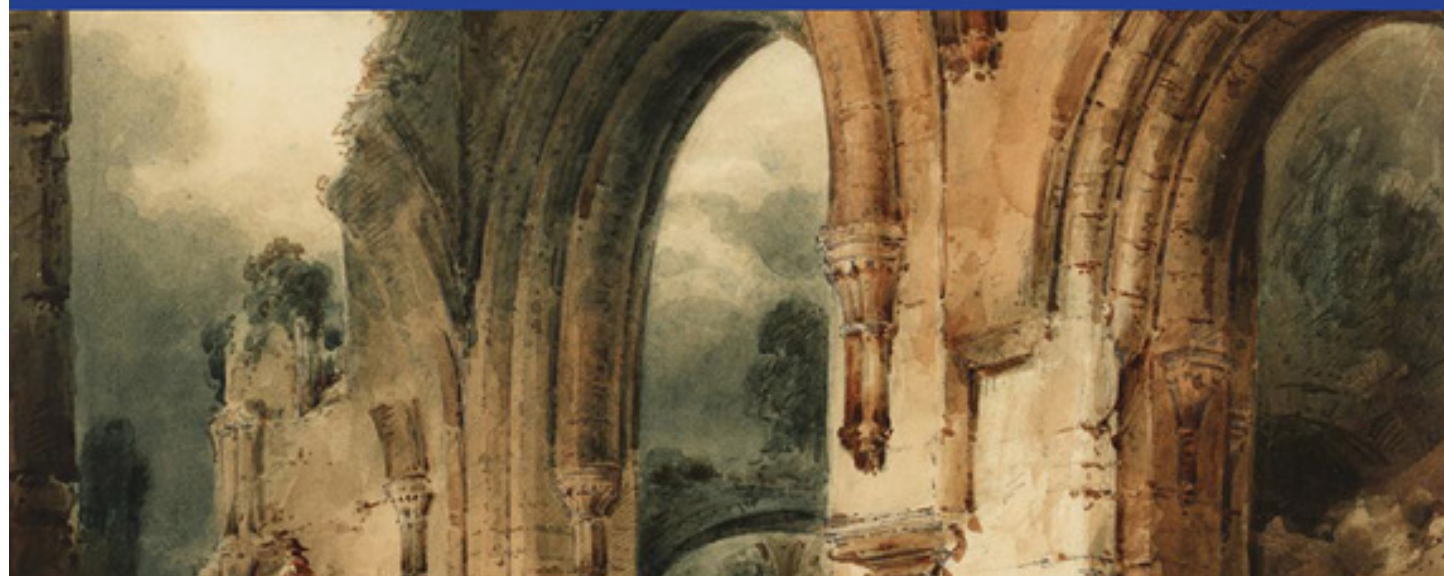

Гилберт Кийт Честертон

Тайна отца Брауна
сборник рассказов

ФТМ

Гилберт Честертон

Тайна отца Брауна (сборник)

«ФТМ»

Честертон Г. К.

Тайна отца Брауна (сборник) / Г. К. Честертон — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-3111-4

Честертон Гилберт Кийт (1874–1936) – классик английской литературы, чьи детективные романы приобрели широкую мировую известность. В нашей стране он известен прежде всего как автор детективных историй о патере Брауне. Рассказы этого сборника объединяет детективная сюжетная линия с одним главным героем – отцом Брауном, которому подвластна разгадка любого, даже самого запутанного преступления. Автором он показан как тонкий знаток человеческой психологии. Произведения сборника имеют не только психологическую, но и религиозную подоплеку: например, рассказ «Сапфировый крест» повествует о вечности и незыблемости заповеди «Не укради».

ISBN 978-5-4467-3111-4

© Честертон Г. К.

© ФТМ

Содержание

Алая луна Меру	5
Волшебная сказка отца Брауна	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гилберт Кийт Честертон

Тайна отца Брауна (сборник)

Алая луна Меру (в переводе Наталии Трауберг)

Все были согласны в том, что благотворительный базар, устроенный в Мэллоувудском аббатстве (конечно, с согласия леди Маунтигл), удался на славу. Качели, карусели и панорамы вовсю развлекали народ; я отметил бы и саму благотворительность, если бы кто-нибудь из присутствующих там лиц объяснил мне, в чем она состояла.

Как бы то ни было, нам придется иметь дело далеко не со всеми этими лицами, прежде всего – с тремя из них, а именно с одной дамой и двумя джентльменами, которые, громко споря, проходили между главными павильонами или, точнее, палатками. Справа от них помещался прославленный провидец, чье малиновое обиталище испещряли черные и золотые божества, многорукие, как спруты. Быть может, они свидетельствовали о том, что не оставят его своею помощью; быть может, попросту воплощали мечту любого хироманта. Слева стоял шатер френолога, украшенный, не в пример скромнее, на удивление шишковатыми черепами Сократа и Шекспира. Как и подобает истинной науке, здесь были только белая и черная краски, только числа и чертежи; малиновая же палатка, где царила тишина, завлекала таинственным темным входом. Френолог по фамилии Фрозо – юркий смуглый человек с неправдоподобно черными усами – стоял у своего святилища и объяснял неведомо кому, что любая голова окажется такой же значительной, как у Шекспира. Едва показалась дама, он кинулся к ней и со всей старомодной учтивостью предложил пощупать ее череп.

Дама отказалась до грубости вежливо, но мы простим ей это, ибо она была увлечена спором. Простим мы и потому, что она была хозяйкой, самою леди Маунтигл. Никто не назвал бы ее неприметной: глубокие темные глаза светились каким-то голодным блеском, а бодрая, даже яростная улыбка несколько противоречила изможденному лицу. Наряд ее был причудлив, согласно тогдашней моде, ибо происходило это задолго до войны, так успешно научившей нас серьезности и собранности. Одежды походили на палатку провидца, в них было что-то восточное, их испещряли диковинные, тайные символы. Но все знали, что Маунтиглы свихнулись, то есть, в переводе на язык науки, что они занимаются восточной культурой и восточными верованиями.

Диковинные свойства дамы оттеняли совершенную пристойность обоих джентльменов. Как велела та допотопная мода, все в них было строго и безукоризненно, от белых перчаток до сверкающего цилиндра. Однако различались и они; Джеймс Хардкасл сочетал пристойность с изысканностью, Томми Хантер – с пошловатостью. Хардкасл был многообещающим политическим деятелем, хотя в свете интересовался чем угодно, кроме политики. Можно, конечно, сказать, что каждый политик много обещает. Но, будем справедливы, Хардкасл немало и делал. Однако малиновые шатры не вызывали в нем прилива деятельности.

– На мой взгляд, – говорил он, вставляя в глаз монокль, оживлявший своим сверканием его суровое лицо, – прежде, чем спорить о магии, мы должны установить пределы еще непознанных сил. Несомненно, силы такие есть, даже у весьма отсталых людей. Факиры творят поразительные вещи.

– Вы хотели сказать, жулики? – с наивным видом спросил второй джентльмен.

– Томми, не говори глупостей, – сказала дама. – Вечно ты споришь о том, чего не знаешь! Словно школьник, честное слово, который обличает фокусника. Этот мальчишеский скепсис так устарел... Что же до непознанных сил, я полагаю...

В этот миг дама увидела кого-то, кто был ей нужен, – неуклюжего человека в черном, стоявшего у павильона, где дети бросали обручи в уродливейшие фигурки, – и кинулась к нему, крича:

– Отец Браун, а я ищу вас! Мне нужно с вами посоветоваться. Вы верите в предсказания? Тот, к кому она воззвала, беспомощно смотрел на обруч в своей руке.

– Я не совсем понял, – сказал он, – в каком смысле вы употребили слово «верить». Конечно, если это шарлатанство...

– Нет, нет! – вскричала дама. – Учитель совсем не шарлатан! Для меня большая честь, что он пришел. Он провидец, пророк. Предсказывает он не какую-нибудь удачу в делах. Он открывает глубокие духовные истины о нас самих, о нашей подлинной сути.

– Вот именно, – сказал отец Браун. – Если это шарлатанство, я ничего против не имею. Мало ли шарлатанства на таких базарах, да никто и не примет их всерьез! Но если дело дошло до духовных истин, я считаю, что это бесовская ложь, от которой надо держаться подальше.

– Ваши слова парадоксальны, – с улыбкой заметил Хардкасл.

– Никак не пойму, что такое парадокс, – задумчиво сказал священник. – По-моему, они очень просты. Если кто-нибудь притворится шпионом и станет лгать противнику, вреда не будет. Но если человек действительно работает на врага...

– Вы думаете... – начал Хардкасл.

– Да, – отвечал священник. – Я думаю, что ваш провидец связан с Врагом рода человеческого.

Томми Хантер захихикал от удовольствия.

– Что ж, – сказал он, – если так, этот темнокожий субъект просто святой!

– Мой кузен неисправим, – вздохнула леди Маунтигл. – Он и сюда приехал, чтобы обличать Учителя. Поистине, он бы стал разоблачать Будду или Моисея.

– Нет, дорогая сестрица, – улыбнулся Томми. – Я приехал, чтобы тебе помочь. Когда эти обезьяны тут, я за тебя спокоен.

– Ну вот, опять! – сказала леди. – Помню, в Индии поначалу все мы недолюбливали темнокожих. Но когда я убедилась в их поразительных духовных силах...

– У нас с вами разные взгляды, – сказал священник. – Вы прощаете темную кожу, потому что кто-то достиг высшей мудрости. Я прощаю высшую мудрость, потому что кто-то другого цвета, чем я. По правде говоря, меня не так уж волнуют духовные силы, мое дело – духовные слабости. Но я никак не пойму, чем плох человек, если он того прекрасного цвета, что бронза, или кофе, или темное пиво, или северный ручей, пробивающийся сквозь торф. В сущности, и фамилия моя означает этот самый цвет, так что я немного к нему пристрастен...

– Ах вон что! – победительно воскликнула леди Маунтигл. – Я так и знала, что вы шутите.

– М-да... – промычал Томми Хантер. – Когда говорят серьезно, это мальчишеский скепсис. Скоро он начнет гадать?

– В любую минуту, – отвечала дама. – Это не гадание, а хиромантия. Но для тебя ведь все едино...

– Мне кажется, есть и третий путь, – сказал, улыбаясь, Хардкасл. – Много можно объяснить естественно. Вы пойдете к нему? Признаюсь, я сильно заинтригован.

– Не выношу чепухи! – сердито сказал скептик, и его круглое лицо побагровело от злости. – Идите гадайте, а я пойду катать кокосы.

Френолог, маячивший неподалеку, кинулся к нему.

– Простите, – сказал он, – череп устроен гораздо интересней. Никакой кокос не сравнится хотя бы с вашим...

Хардкасл нырнул тем временем в темное отверстие палатки, изнутри слышались неясные голоса. Том Хантер резко отвечал френологу, выказывая прискорбное равнодушие к превосходству вполне точных наук, а кузина его собиралась продолжать спор с коротышкой патером, как вдруг в удивлении замолчала.

Джеймс Хардкасл вышел из палатки, и, судя по сверканию монокля и сумрачности лица, удивление его было не меньше.

– Вашего индуса нет, – отрывисто сказал он. – Он исчез. Какой-то черномазый старик прошамкал, что Учитель не желает продавать священные тайны.

Леди Маунтигл, сияя, повернулась к своим гостям.

– Вот видите! – вскричала она. – Говорила я вам, он много выше всего, что вам померещилось! Он ненавидит суету и ушел в одиночество.

– Простите, – серьезно сказал отец Браун. – Может быть, я был к нему несправедлив. Вы знаете, куда он пошел?

– Кажется, знаю, – отвечала хозяйка. – Когда он хочет побыть один, он уходит в монастырский дворик. Это в самом конце левого крыла, за кабинетом моего мужа и за нашим музеем. Вы слышали, наверное, что здесь когда-то и вправду был монастырь.

– Слышал, – сказал священник, едва заметно улыбаясь.

– Если хотите, – сказала его собеседница, – пойдемте туда. Вам непременно надо посмотреть коллекцию моего мужа, особенно – «Алую Луну». О ней вы слышали? Это огромный рубин.

– Меня интересуют все экспонаты, – сказал Хардкасл, – в том числе Учитель.

И они свернули на дорожку, ведущую к замку.

– А я, – проворчал неверующий Фома, – хотел бы знать, зачем этот субъект сюда явился...

Неукротимый френолог попытался остановить его в последний миг и чуть не схватил за фалды.

– Ваш череп... – начал он.

– ...сейчас треснет, – сказал Хантер. – Так всегда бывает, когда я приезжаю к Маунтиглам. – И он успешно ускользнул от ученого.

По пути во дворик гости прошли длинный зал, отведенный хозяином под азиатские диковинки. За открытой дверью сквозь готические арки виднелось светлое небо над квадратным двориком, по которому и гуляли когда-то монахи. Но взорам пришедших явилось нечто более поразительное, чем вставший из могилы монах.

То был немолодой человек, одетый во все белое, в бледно-зеленой чалме, но с английским румянцем и седыми полковничьими усами; иначе говоря – хозяин замка, воспринимавший чары Востока серьезней или безрадостней, чем его жена. Говорить он мог только о восточной культуре и философии и, показывая свои экспонаты, явно радовался больше всего не цене их и даже не редкости, а скрытому в них смыслу. Даже когда он принес огромный рубин, быть может – единственную вещь, которой и впрямь цены не было, он гордился именем ее, а не размером.

Неправдоподобно большой камень горел, как горел бы костер сквозь кровавый дождь. Но лорд Маунтигл, беспечно катая его по ладони, глядел в потолок, пространно рассказывая о том, какое место занимает гора Меру в мифологии гностиков.

Когда он уже изобличил демиурга и провел исчерпывающую параллель между гностиками и манихеями, даже тактичный Хардкасл думал, как бы переменить тему. Наконец он спросил, нельзя ли рассмотреть камень, и, поскольку в комнате уже смеркалось, направился к двери, ведущей во дворик. Только тогда он и ощутил, что близко, почти рядом, все время стоял Учитель.

Дворик был такой, каким он обычно бывает в монастырях, но готические колонны соединялись снизу, так что арки были скорее не дверями, а окнами. Вероятно, стенки эти сложили

давно; однако было здесь и новшество – над ними, между колоннами, висели занавеси в восточном вкусе, сделанные то ли из каких-то бусин, то ли из легкого тростника. Они совсем не подходили к серому камню и не очень хорошо пропускали свет, но все это было не самой главной из несообразностей, на которые, каждый по-своему, взирали гости.

Посередине двора стоял темно-зеленый фонтан, в котором плавали водяные лилии и золотые рыбки. Над ними возвышалось изваяние. Сидело оно спиной, и в такой позе, словно у него и головы нет, но даже в сумерках, по одним его очертаниям, было сразу видно, что создали его не христианские монахи.

Неподалеку, на светлых плитах двора, стоял тот, кого называли Учителем. Его тонкое лицо походило на бронзовую маску, а седая борода, расходявшаяся веером, казалась ярко-синей. Одежды его были синевато-зелеными; бритую или лысую голову венчал странный убор, напоминавший скорее об Египте, чем об Индии. Широко открытые глаза – совсем такие, какие рисуют на саркофагах, – глядели не то в пустоту, не то на идола. Как ни удивителен он был, гости тоже глядели скорее на идола, чем на него.

– Странная статуя, – сказал Хардкасл, немного сдвинув брови. – Никак не подходит к монастырскому дворику.

– От вас я этого не ждала, – сказала леди Маунтигл. – Мы именно и хотели соединить великие религии, Будду и Христа. Вы понимаете, конечно, что все религии одинаковы.

– Тогда зачем же, – кротко спросил отец Браун, – искать их так далеко?

– Леди Маунтигл хочет сказать, – начал Хардкасл, – что это – разные грани, как у этого камня (увлекшись новой темой, он положил рубин на каменную перемычку или, если хотите, подоконник между колоннами). Но из этого не следует, что мы вправе смешивать стили. Можно соединить христианство с исламом, но не готику с арабским стилем, не говоря уж об индуизме.

Тем временем Учитель вышел из оцепенения, медленно перешел на другое место и встал прямо перед ними, за аркой, лицом к идолу. По-видимому, он постепенно обходил полный круг, как часовая стрелка, но не сразу, а по кусочку, останавливаясь для молитвы или созерцания.

– Какой же веры он? – спросил Хардкасл с едва заметным нетерпением.

– Он говорит, – благоговейно отвечала хозяйка, – что вера его древнее индуизма и чище буддизма.

– А... – протянул Хардкасл, неотрывно глядя в монокль на загадочного Учителя.

– Существует предание, – назидательно и мягко сказал хозяин, – что такое же божество, но гораздо больше, стоит в одной из пещер священной горы...

Но мерное течение лекции прервал голос, раздавшийся из-за плеча лорда Маунтигла, из тьмы музея. При звуке этого голоса Хардкасл и Хантер сперва не поверили себе, потом рассердились, потом засмеялись.

– Надеюсь, не помешал? – учтиво спросил френолог, неутомимо служивший истине. – Я подумал, что вы, наверное, уделите минутку недооцененной науке о шишках человеческого черепа...

– Вот что, – крикнул Томми Хантер, – у меня шишек нет, а у вас они сейчас будут!..

Хардкасл сдержал его, но все секунду-другую смотрели не во дворик, а в комнату.

Тогда это и произошло. Первым откликнулся все тот же подвижный Томми, на сей раз – не зря. Никто еще ничего толком не понял, Хардкасл еще не вспомнил, что оставил рубин на широкой перемычке, а Хантер уже прыгнул ловко, как кошка, наклонился между колоннами и огласил дворик криком:

– Поймал!

Но в короткое мгновение, перед самым его криком, все увидели то, что случилось. Из-за одной колонны выскользнула рука цвета бронзы или старого золота и исчезла сразу, словно язычок муравьеда. Однако рубин она слизнула.

На камнях перемишки ничего не сверкало в слабом свете сумерек.

– Поймал, – повторил, отдуваясь, Томми Хантер. – Трудно его держать. Зайдите-ка спеди, помогите!

Мужчины повиновались ему – кто кинулся к лестничке, кто перепрыгнул через низкую стенку, – и все, включая мистера Фрозо, окружили Учителя, которого Томми держал за шиворот одной рукой и встряхивал время от времени, не считаясь с прерогативами провидцев.

– Ну, теперь не уйдет, – сказал герой дня. – Общем-ка его, камень тут где-нибудь.

Минут через сорок пять Хантер и Хардкасл, уже не в таком безукоризненном виде, как прежде, отошли в сторону и посмотрели друг на друга.

– Вы что-нибудь понимаете? – спросил Хардкасл. – Удивительная тайна...

– Какая тайна! – вскричал Хантер. – Мы же все его видели.

– Да, – отвечал Хардкасл, – но мы не видели, чтобы он положил или бросил рубин. Почему же мы ничего не нашли?

– Где-нибудь эта штука лежит, – сказал Хантер. – Надо получше осмотреть фонтан.

– Рыбок я не вскрывал, – сказал Хардкасл, вставляя монокль. – Вам вспомнился Поликратов перстень?

Оглядев в монокль круглое лицо, он убедился в том, что его собеседнику не пришли в голову параллели из греческой мифологии.

– Может, он сам его проглотил, – сказал Хантер.

– Вскроем Учителя? – сказал Хардкасл. – А вот и наш хозяин.

– Как это все неприятно, – проговорил лорд Маунтигл, крутя седой ус немного дрожащей рукой. – Кража, в моем собственном доме!.. Я никак не разберу, что он говорит. Пойдемте, может, вы поймете.

Они вернулись в залу. Хантер шел последним, и отец Браун, бродивший по дворику, обратился к нему.

– Ну и сильный же вы! – весело сказал священник. – Вы держали его одной рукой, а он тоже не слаб. Я это почувствовал, когда мы пустили в ход восемь рук, как эти божества.

Беседуя, они обошли дворик раза два и вошли в залу, где сидел уже сам Учитель на положении пленника, но с видом великого царя.

Действительно, понять его было нелегко. Говорил он спокойно и властно, по-видимому, развлекаясь при каждой очередной догадке, и ничуть не каялся. Скорее, он смеялся над тем, как они бьются впустую.

– Теперь вам приоткрылись, – с неподобающей снисходительностью говорил он, – законы времени и пространства, которые никак не может постигнуть ваша наука. Вы даже не знаете, что такое «спрятать». Более того, вы не знаете, что такое «видеть», иначе бы вы видели так же ясно, как я.

– Вы хотите сказать, что камень здесь? – резко спросил Хардкасл.

– «Здесь» – непростое слово, – отвечал мистик. – Но я не хотел этого сказать. Я сказал, что вы не умеете видеть.

И он размеренно продолжал в сердитой тишине:

– Если бы вы научились истинному, глубокому молчанию, вы бы слышали крик на краю света. Там сидит изваяние, подобное горе. Говорят, даже иудеи и мусульмане почитают его, ибо оно создано не человеком. Перед ним благоговейно застыл паломник. Он поднял голову... Он вскрикнул, увидев алую, гневную луну в выемке, пустовавшей веками.

– Я знал, что вы наделены великой духовной силой, но это!.. – вскричал лорд Маунтигл. – Неужели вы перенесли его отсюда к горе Меру?

– Быть может, – сказал Учитель.

Хардкасл нетерпеливо зашагал по комнате.

– Я смотрю на это иначе, чем вы, – обратился он к хозяину, – но вынужден признать...

О Господи!

Монокль упал на пол. Все повернулись туда, куда глядел политик, и лица озарило живейшее удивление.

«Алая луна» лежала на каменном подоконнике, точно там же, где и прежде. Быть может, то был уголек от костра или лепесток розы, но упал он точно на то же место, куда его положили.

На сей раз Хардкасл не взял его, но повел себя странно. Медленно повернувшись, он снова пошел по комнате, уже не в нетерпении, а с каким-то особым величием. Подойдя к скамье, на которой сидел индус, он поклонился, улыбаясь немного горькой улыбкой.

– Учитель, – сказал он, – мы должны просить у вас прощения и, что много важнее, мы поняли ваш урок. Поверьте, я никогда не забуду, какими силами вы наделены и как благородно ими пользуетесь. Леди Маунтигл, – и он обернулся к хозяйке, – вы простите меня за то, что я сперва заговорил с Учителем, а не с вами; но именно вам я имел честь предлагать недавно объяснение. Я говорил вам, что есть непознанные силы, гипноз. Многие считают, что им и объясняются рассказы о мальчике, который лезет в небо по веревке. На самом деле ничего этого нет, но зрители загипнотизированы. Так и мы видели то, чего на самом деле не было. Бронзовая рука как бы приснилась нам; и мы не догадались посмотреть, лежит ли на месте камень. Мы перевернули каждый лепесток водяной лилии, мы чуть не дали рыбкам рвотного, а рубин все время был там же, где и прежде.

Он посмотрел на улыбающегося Учителя и увидел, что улыбка его стала шире. Что-то было в ней, от чего все вскочили на ноги, как бы стряхивая смущение и неловкость.

– Как хорошо все кончилось, – несколько нервно сказала леди Маунтигл. – Конечно, вы совершенно правы. Я просто не знаю, как молить прощения...

– Никто не обидел меня, – сказал Учитель. – Никто меня не коснулся.

И, радостно беседуя, все ушли за Хардкаслом, новым героем дня; лишь усатый френолог направился к своей палатке и удивился, заметив, что священник идет за ним.

– Разрешите ощупать ваш череп? – нерешительно и даже насмешливо спросил мистер Фрозо.

– Зачем вам теперь щупать? – добродушно спросил священник. – Вы ведь сыщик, да?

Мистер Фрозо кивнул.

– Леди Маунтигл пригласила меня на всякий случай. Она не дура, хоть и балуется мистикой. Вот я и лез ко всем, как маньяк. Если бы кто-нибудь согласился, пришлось бы срочно листать энциклопедию...

– «Шишки черепа»: смотри «Фольклор», – сказал отец Браун. – Да, вы порядком лезли к людям, но на благотворительном базаре это ничего.

– Какое дурацкое происшествие! – сказал бывший шишковед. – Подумать странно, что рубин так и лежал.

– Да, очень странно, – сказал священник, и интонация его поразила сыщика.

– Что с вами? – воскликнул тот. – Почему вы так глядите? Вы не верите, что он там лежал?

Отец Браун поморгал и медленно, растерянно ответил:

– Нет... как же я могу?... Нет, что вы!..

– Вы зря не скажете, – не отставал сыщик. – Почему вы не верите, что он лежал там все время?

– Потому что я сам его положил, – сказал отец Браун.

Собеседник его открыл рот, но не произнес ни слова.

– Точнее, – продолжал священник, – я уговорил вора, чтобы он отдал мне его, а потом положил. Я рассказал ему то, что угадал, и убедил, что еще не поздно покаяться. Вам я признаться не боюсь, да Маунтиглы и не поднимут дела, когда камень вернулся, тем более – против этого вора.

– Конечно, Учитель... – начал бывший Фрозо.

– Учитель не крал, – сказал отец Браун.

– Ничего не понимаю! – вскричал сыщик. – За окном стоял только он, а рука появилась оттуда.

– Рука появилась оттуда, но вор был в комнате, – сказал отец Браун.

– Опять какая-то мистика! – возроптал сыщик. – Нет, так не пойдет. Я человек простой. Скажите мне прямо: если с рубином все было в порядке...

– Я знал, что не все в порядке, – сказал отец Браун, – когда еще и не слышал о рубине.

Он помолчал и продолжал неспешно:

– Вам скажут, что теории не важны, что логика и философия не связаны с жизнью. Не верьте. Разум – от Бога, и далеко не безразлично, разумно ли то, что происходит. Если оно неразумно, что-то не так. Вспомните тот спор. Какие там были теории? Хардкасл не без высокомерия назвал учеными именами философские загадки, как водится. Хантер считал, что все – сплошной обман, и рвался это доказать. Леди Маунтигл сказала, что он для того и приехал, чтобы встретиться с этим Учителем. Приезжает он редко, с Маунтиглом не ладит, но, когда он услышал, что будет индус, он поспешил сюда. Прекрасно. Однако в палатку пошел Хардкасл, а не он. Он сказал, что не терпит чепухи, хотя у него хватило терпения на то, чтобы приехать ради нее. Что-то не сходится. Как вы помните, он сказал «гадание», а наша хозяйка объяснила ему, что это – хиромантия.

– Вы думаете, то была отговорка? – спросил растерянный собеседник.

– Думал сначала, – ответил священник, – но теперь я знаю, что это и есть истинная причина. Он не мог пойти к хироманту, потому что...

– Ну, ну!... – нетерпеливо вставил сыщик.

– Потому что не хотел снять перчатку, – сказал отец Браун.

– Перчатку? – переспросил тот.

– Если бы он ее снял, – незлобно сказал священник, – все бы увидели, что у него выкрашена рука. Да, конечно, он приехал из-за индуса. И хорошо подготовился.

– Вы хотите сказать, – воскликнул сыщик, – что это была его рука? Да он же стоял по эту сторону!

– Пойдите туда, попробуйте сами, и вы увидите, что это нетрудно, – сказал священник. – Он наклонился во дворик, сдернул перчатку, высунул руку из-за колонны, другой рукой схватил индуса и закричал. Я сразу заметил, что он держит жертву одной рукой, тогда как любой нормальный человек держал бы двумя. Другую он засунул камень в карман.

Наступило молчание; потом сыщик медленно заговорил:

– А все же загадка остается. Почему старый колдун так странно себя вел? Если он не крал, какого черта он не сказал прямо?! Почему не сердился, когда его обвиняли и обыскивали? Почему он сидел и улыбался, и говорил намеками?

– Вот! – звонко воскликнул священник. – Наконец-то мы дошли до сути! Они никак не хотят понять одного. Леди Маунтигл говорит, что все религии одинаковы. Как бы не так! Они бывают настолько разными, что лучший человек одной веры и не пошевелинется в том случае, который глубоко заденет человека другой веры. Я сказал, что я не очень жалую духовную силу, потому что они подчеркивают силу, а не духовность. Не думаю, что этот Учитель стал бы красть камень, скорее – нет, зачем это ему? У него другие соблазны, например – украсть чудо, которое принадлежит ему не больше, чем «Алая луна». Этому соблазну, этому искушению он и поддался. А вопрос о том, чей это камень, ему в голову не пришел. Он не думал: «Можно

ли красть?», он думал: «Достаточно ли я силен, чтобы перенести рубин на край света?» Такие вещи я и имею в виду, когда говорю, что религии различны. Индус гордится духовной силой. Но то, что он зовет духовным, совсем не совпадает с тем, что мы зовем праведным. Это значит скорее «не относящийся к плоти» или «властвующий над материей», словом – относится не к нравственности, а к естеству, к господству над стихиями. Ну, а мы – не такие, даже если мы не лучше, даже если мы много хуже. Мы – хотя бы потомки христиан и родились под готическими сводами, сколько ни украшай их восточной бесовщиной. Мы другого стыдимся и другим гордимся. Каждый из нас испугался бы, что его заподозрят в воровстве; он – испугался, что не заподозрят. Когда мы бежали от преступления, как от змеи, он подманивал его, как заклинатель. Но мы не разводим змей! Эта проверка сразу ставит все на место. Можно увлекаться тайной мудростью, носить чалму и длинные одежды, ждать вести от Махатм, но стоит камешку пропасть из вашего дома, стоит подозрению пасть на ваших друзей – и окажется, что вы просто английский джентльмен. Тот, кто совершил преступление, скрыл его, потому что он тоже английский джентльмен. Нет, лучше: он – христианский вор. Я верю и надеюсь, что можно назвать его раскаявшимся вором, благонамеренным разбойником.

– У вас получается, – засмеялся сыщик, – что христианский вор и языческий жулик противоположны друг другу.

– Будем милостивы и к тому и к другому, – сказал отец Браун. – Английские джентльмены крали и раньше, и закон покрывал их. Запад тоже умеет затуманить преступление многозначительными словами. Другие камни сменили владельцев – драгоценнейшие камни, резные, как камень, и яркие, как цветок.

Сыщик глядел на него, и он показал на темневший в небе могильный камень аббатства.

– Это очень большой камень, – сказал священник. – Он остался у воров.¹

---

¹ Речь идет о том, что король Генрих VIII (1509–1547) отнял аббатства у Церкви и отдал их знатым родам как замки.

Волшебная сказка отца Брауна (в переводе Раисы Облонской)

Живописный город-государство Хейлигвальденштейн был одним из тех игрушечных королевств, которые и по сей день составляют часть Германской империи. Он попал под господство Пруссии довольно поздно, лет за пятьдесят до того погожего летнего дня, когда Фламбо и отец Браун оказались в здешнем парке и попивали здешнее пиво. И, как будет ясно из дальнейшего, еще совсем недавно тут не было недостатка ни в войнах, ни в скором суде и расправе. Но при взгляде на город поневоле начинало казаться, будто от него веет детством; в этом самая большая прелесть Германии – этих маленьких, словно из рождественского представления, патриархальных монахий, где король кажется таким же привычно домашним, как повар. Немецкие солдаты-часовые у бесчисленных будок странно напоминали немецкие игрушки, а четко вырезанные зубчатые стены замка, позолоченные солнцем, больше всего напоминали золоченый пряник. Ибо денек выдался на редкость солнечный: небо той ярчайшей берлинской лазури, какой и в самом Потсдаме остались бы довольны, а еще вернее – той щедрой густой синевы, какую дети извлекают из грошовой коробочки с красками. Даже деревья со стволами в серых рубцах от старости казались молодыми в уборе все еще розовых остроконечных почек и на фоне ярко-синего неба напоминали бесчисленные детские рисунки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.